

ники его идей. Одним из наиболее известных его антагонистов был известный философ и публицист Владимир Соловьев. Одной из основ его теории как богослова и философа являлась человеческая свобода, то что, было отнято у народов Кавказа. Выраженный панславизм Данилевского, с одной стороны, и идеи европоцентризма у Соловьева – с другой, казалось бы, позволяют говорить о сохранении в их концепциях соответственно славянофильской и западнической ориентации. Однако ни Соловьева, ни Данилевского нельзя в полной мере отнести к последователям этих идейных течений. В основе расхождений между ними, как нам представляется, лежали прежде всего методологические установки, определившие различный подход к всемирно-историческому процессу, к локальной цивилизации и, следовательно, к России и Европе. Таким образом можно утверждать, что несмотря на все попытки выставить Кавказ в неблагоприятном свете как правительством, так и печатью мнение в России о Кавказе и его жителях никогда не было одинаковым.

УДК 21

Магистр *Гузова Г. А.*
Кабардино-Балкарский государственный
университет им Х. М. Бербекова,
г. Нальчик

ОБРАЗ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В СИТУАЦИИ ДВОЕВЕРИЯ

В предлагаемой статье анализируется влияние двоеверия на образ сверхъестественного в Средневековой Руси.

Славяно-русскую часть язычества нельзя понимать как независимый и только славянам присущий вариант религиозных представлений. Однако процесс обращения населения Руси в новую веру вовсе не аналогичен подобным процессам в западной и центральной Европе. Важно подчеркнуть, что загадка переходного периода русской истории не в последнюю очередь связана с

тем, что христианский культ распространялся в условиях упорного сохранения языческого мироощущения. Именно это обстоятельство наложило неповторимый отпечаток не только на формирование русской религиозности, но и всей русской духовности. Итог идейной борьбы, конечно, был предрешен. Однако христианство, которое "вылепилось" из долгого двоеверия, включило в себя духовно-исторические метаморфозы ситуации X-XIV вв. Последнее обстоятельство особенно важно потому, что в нем заключена одна из загадок уникальности русского духа, "русской души" – проблемы, предельно заостренной в русской литературе и философии XIX–нач.XX вв.

В связи со сказанным, обратим внимание на мнения некоторых исследователей: «Одержав политическую победу, – пишет Л. Н. Гумилев, – христианство в Древней Руси не смогло справиться с древним мировоззрением, хотя последнее было объявлено суеверием» [1]. Схожую точку зрения имеют большинство исследователей обозначенного периода.

Народные верования вовсе не исчезали вместе с уничтожением капищ и строительством православных храмов. Продолжение их существования в душах людей предопределялось молодым возрастом (состоянием брожения) русского язычества. Стройной церковной организации христианства противостояло глубоко укоренившееся суеверие, в пределах которого человек считал себя "знакомым" духов. Эти духи приходили к нему во сне, проказничали во дворе и на чердаках, гневались, вредили или просто вредничали, шалили.

Для духов готовили еду и протапливали баню, с ними разговаривали и слышали их ответные голоса. Расставаться с такими полубожествами было так же тяжело как расставаться с близкими людьми или родственниками. "Навии" – духи умерших – занимали людей, к примеру, вплоть до начала XX века. И хотя навий с подачи священников стали называть бесами, на самом деле в быту и тем более в глубине души человека на протяжении столетий ничего от этого не изменялось.

В сознание, насквозь пропитанное суевериями, по выражению Д. С. Лихачева, были "трансплантированы" идеи и знания принципиально иного масштаба. Вот как описывает Л. Н. Гумилев прорастание друг сквозь друга язычества и христианства в

X–XIII вв.: «Епископы и священники были такими же местными жителями, как и язычники – волхвы, колдуны, знахарки, воины, купцы, князья. Этническое становление православных и язычников шло синхронно»[2]. Синкретизм должен был стать и стал естественным порождением такого смешения. В связи со сказанным обратим внимание на религиозный синкретизм со стороны его духовных образований. Язычество всегда более многолико, по сравнению с любым монотеизмом. Свойство многоликости вовсе не утрачивается с утерей древними духами своего господства. Поэтому так разнообразны их проявления в потоке религиозного сознания русского народа, принявшего христианство. Внутреннее язычество такого рода можно назвать демоническим духовным образованием. Оно составило в последствии “низ” русского двоеверия. Этот “слой” сознания прорывался рецидивами шаманизма и идолопоклонства, повсеместным знахарством и верой в ворожбу, страхом перед оборотничеством деревенских колдунов и активным использованием приворотного зелья. Русский человек, простолюдин и боярин, носил крест, посещал церковь и в то же время не упускал возможности "совершить выгодную сделку" с близкими ему духами.

Велика вероятность того, что набор магических ритуальных действий казался для него куда более эффективным средством решения своих проблем, чем, к примеру, таинство церковного причащения»[3].

Особенно характерно проявление демонизма в критических ситуациях, когда человек апеллирует к самым глубинным слоям своей души и когда с легкостью отбрасываются более поздние религиозные формы. Известное каждому выражение – "броситься в бой, очертя голову", самым непосредственным образом связано с таким обращением человека к демоническим глубинам своей души. Мы и сейчас подразумеваем под "очертя голову" некий отказ от рационально-критических сторон своего сознания. То есть, предполагается идти на противника со всей силой ярости и азарта тогда, когда исход боя совершенно не ясен, а чаще всего – когда нет уже никакой надежды на победу. В этот момент русский воин имел обычай мечем очерчивать над головой круг (отсюда – "очертя голову"). Этот ритуал был проникнут магическими смыслами, один из которых – призвать духов к созданию

вокруг себя "зоны неприкосновенности". Вполне понятно, что перед сражением тот же самый человек мог искренне совершать православную молитву. Итак, в повседневной размеренной жизни человек ходил в церковь, исповедовался, причащался и вовсе не помышлял о какой-либо другой религии, кроме православия. При этом ношение креста на груди и поклонение святым ликам вполне уживалось в его сознании со стремлением в критический момент искать покровительства у языческих духов. Глубокие пласты языческого сознания продолжали существовать и проявляться самым неожиданным образом даже для тех, кто и не подозревал в себе язычника. Устойчивая привязанность различного рода гаданиям, суевериям и приметам, существующая в народе по сей день, являлась очевидным подтверждением присутствия реликтов язычества. В связи с этим проявление языческих энергий в потоке русского религиозного сознания X–XV вв. было куда более активным, чем во времена последующие.

Закономерное созревание язычества было перенесено внутрь, в сокровенную глубину души. Именно там доживали свою жизнь древние духи. Духовно-религиозное развитие русских проходило под непосредственным воздействием этого фактора. «Образовалось нечто, напоминающее место стыка, в котором продолжал свой естественный рост языческий “низ” и начинал восхождение христианский “верх”»[4]. Прорастание одного материала в структуры другого при таких исторических условиях становилось неизбежным процессом. В неравном отношении к вере отцов находились городские и сельские жители. Вплоть до середины XIII века в деревне, хотя и числившейся крещеной, прежняя вера почти не была затронута вовсе. В городах христианство устанавливалось с большим успехом. Однако и здесь язычество "обустраивалось" в условиях весьма отличных от западноевропейских.

Есть еще одна особенность духовно-религиозного двоеверия X–XIV вв., которую следует отметить. Это – значительная локализация демонических систем в пределах той или иной народности. «По сути не было единой "низшей мифологии" на Руси. Почитание одних духов и забвение других зависело в том числе и от фактора географического. Объяснить локализацию можно несколькими причинами. Первая – неизбежная консервация народных культов, перешедших в латентную форму существова-

ния. Другая причина заключена в относительно невысоком взаимодействии между "низами" народов. А в них-то как раз древние духи и проявляли наибольшую живучесть» [5]. Известно, что единство утрачивается не только политически или экономически, но и духовно.

Заключая сказанное о двоеверии, необходимо отметить, что только к концу XIV века ситуация постепенно переламывается в пользу христианства. Причины тому лежат как на поверхности, в смене политической ситуации, так и в сфере духовной. Эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем наслаивания нового на сохраняющееся старое. Одно из последствий такого напластования – значительная глубина языческих обычаев, удерживаемых в народной памяти. В новое время это наложение потоков исторического сознания породило многочисленные литературно-философские интерпретации, общая тема которых обычно задается двумя словами – "русская душа". Само язычество, по мере удаления от средневековья, все меньше остается традицией религиозно-магической и все больше переходит в традицию эстетическую.

Результаты исследования: Образно-символическое мировосприятие русского средневекового человека в значительной мере становится результатом взаимного компромисса языческого и христианского культов. Дедовская вера с ее ворожбой и заклятиями обнаружила способность сосуществования рядом с утонченными теологическими нововведениями. Продолжительный период двоеверия, в конечном итоге, повлиял на формирование бинарных структур русского национального сознания.

Таким образом данное исследование позволяет сделать ряд **выводов:** О том что, славяно-русскую часть язычества нельзя понимать как независимый и только славянам присущий вариант религиозных представлений, но в то же время следует учесть то, что процесс обращения населения Руси в новую веру вовсе не аналогичен подобным процессам в Западной и Центральной Европе. Эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем наслаивания нового на сохраняющееся старое. Одно из последствий такого напластования – значительная глубина языческих обычаев, удерживаемых в народной памяти. В связи с этим, само язычество, по мере удаления

от средневековья, все меньше оставалось традицией религиозно-магической и все больше переходило в традицию эстетическую.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 5–19.
2. *Никольский Н. М.* История русской церкви. М.–Л., 1931. С. 38–42.
3. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. В 2 т. Харьков, 1913–1916. / Цит. По: *Ивахненко Е. Н.* Средневековое двоеверие и русская литературно-философская мысль нового времени. СПб., 1999. С. 97–98.
4. *Ивахненко Е. Н.* Средневековое двоеверие и русская литературно – философская мысль нового времени. СПб., 1999. С. 44–59.
5. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 228–23.

